

Интервью с судьёй Международного трибунала по морскому праву В. В. Голицыным

В эксклюзивном интервью судья Международного трибунала по морскому праву делится своим мнением о распространении международных судов и трибуналов, об эффективности механизмов разрешения споров, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву, рассказывает о различных аспектах деятельности Международного трибунала по морскому праву.

→ *Распространение международных судов и трибуналов, Международное морское право, Конвенция ООН по морскому праву, Международный трибунал по морскому праву, Международный Суд*

The Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea gave an exclusive interview to our journal. He shares his opinion about proliferation of international courts and tribunals, efficiency of the UNCLOS dispute settlement system, explains different aspects of functioning of the International Tribunal for the Law of the Sea.

→ *Proliferation of international courts and tribunals, International Law of the Sea, United Nations Convention on the Law of the Sea, International Tribunal for the Law of the Sea, International Court of Justice*

Краткая справка

10 декабря 2012 года исполнилось тридцать лет со дня открытия для подписания Конвенции ООН по морскому праву (*далее также* — Конвенция). Конвенция предполагала учреждение Международного трибунала по морскому праву для разрешения международных споров, вытекающих из её толкования и применения. После вступления Конвенции в силу в 1994 году такой Трибунал был создан, и с 1996 года он функционирует в вольном и ганзейском городе Гамбурге. Расположенное на берегу реки Эльбы на юго-западной окраине города, новое здание Трибунала образует единый ансамбль с предоставленной городом виллой XIX века. В фойе Трибунала собраны подарки государств-участников Конвенции — макеты ко-

раблей, полотна, мозаики и другие произведения. А Организация Объединённых Наций подарила Трибуналу в день инаугурации здания коллекцию флагов государств-членов ООН. Стоит надеяться, что однажды все они, наконец, станут государствами-участниками Конвенции по морскому праву. Во всяком случае, за последние годы активность Трибунала значительно возросла, государства всё чаще к нему обращаются для разрешения сложных и серьёзных вопросов международного морского права.

В день тридцатилетия Конвенции судья Международного трибунала по морскому праву **Владимир Владимирович Голицын** любезно согласился дать интервью *Международному правосудию* и подробнее рассказать о работе этого пока малоизвестного в России судебного института*. Судья принял нас в сво-

* Интервью взяла в Гамбурге 10 декабря 2012 года и подготовила примечания *Светлана Громова*, магистр международного права Университета Париж I Пантеон-Сорбонна (Франция).

ём кабинете в Трибунале, из окон которого можно было наблюдать суда, приходящие в порт заснеженного Гамбурга. В. В. Голицын — доктор юридических наук, профессор МГИМО и МГУ, автор ряда публикаций по международному морскому праву и праву окружающей среды. Он сделал выдающуюся карьеру в Министерстве иностранных дел СССР, а затем — в юридическом департаменте Секретариата ООН в Нью-Йорке. В 2007 году он представлял Российскую Федерацию в Трибунале по морскому праву по инициированным Японией делам о незамедлительном освобождении двух японских судов¹. С 1 октября 2008 года профессор Голицын — судья Международного трибунала по морскому праву, а с октября 2011 года — Председатель его Камеры по спорам, касающимся морского дна.

— Что Вы думаете о феномене распространения или, как его часто называют, пролиферации международных судов и трибуналов? Является ли это, по Вашему мнению, положительным или негативным явлением для международного права?

— Это неоднозначный вопрос. Как известно, Председатель Международного Суда Гийом в своё время выступил на Генеральной Ассамблее ООН². Тогда было два трибунала — по бывшей Югославии и Руанде, которые стали принимать решения, не полностью соответствующие тому, что говорил Международный Суд. Председатель Гийом рассматривал эту тенденцию негативно и сказал, что, даже если будет пролиферация международных судебных органов, то Международный Суд среди них — главный, а остальные должны следовать тому, что говорит Международный Суд. Я ничего плохого не вижу в появлении новых международных судебных институтов, поскольку их создание обуславливается требованием времени и потребностями государств в их образовании. Когда вырабатывалась Конвенция ООН по морскому праву, то причина, по которой приняли решение создать специальный суд, который будет заниматься вопросами Конвенции, заключалась

в том, что, по мнению авторов Конвенции, требовались специальные знания для рассмотрения споров, касающихся использования морских пространств. Судьи Международного Суда являются специалистами в области международного права, но они не обязательно знают специфику того, что происходит на морях и океанах. Также возникает, как вы знаете, региональные суды. Там тоже государства создают их, потому что хотят, чтобы были судебные органы, которые понимали бы специфику конкретного региона и действовали на базе общего международного права, но с учётом специфики данного конкретного региона. Создан Международный уголовный суд, который обладает особой компетенцией, отличающей его от других международных судебных органов. То есть это — явление времени. Если такие суды создаются, значит, международное общество ощущает потребность в их деятельности. Что касается, например, нашего Трибунала, я являюсь Председателем его Камеры по морскому дну. Она вообще имеет исключительную юрисдикцию — ни Международный Суд, ни Трибунал по морскому праву в целом не могут рассматривать споры, которые касаются международного Района морского дна, только эта Камера. То есть государства посчитали, что этот характер деятельности должен быть подвержен судебному разбирательству только специально созданным судебным органом. Поэтому проблем в пролиферации международных судебных органов я не вижу.

— Но не ведёт ли это к противоречивой практике международных судов?

— Возникает вопрос о том, есть ли главенство среди международных судов. Каждый судебный орган независим. Есть Международный Суд, есть арбитражные трибуналы, есть другие судебные органы. Конечно, тенденция почти всех судебных органов состоит в том, чтобы относиться с уважением к решениям других судебных органов. Однако, например, практика Международного Суда вплоть до последнего времени была такова,

¹ Международный трибунал по морскому праву. Дело № 14. Дело «Хошинмару» (Япония против России), незамедлительное освобождение; Дело № 15. Дело «Томимару» (Япония против России), незамедлительное освобождение.

² Обращение г-на Жильбера Гийома, Председателя Международного Суда, к Генеральной Ассамблее ООН, 30 октября 2001 года. Доступно на интернет-сайте Международного Суда ООН: URL: <http://www.icj-cij.org/court/index.php?pr=82&pt=3&p1=1&p2=3&p3=1> (дата обращения: 05.01.2013).

что он ссылался только на свои решения и никого больше не цитировал. Сейчас он стал ссылаться на другие судебные решения³, включая решения нашего Трибунала, то есть он признал, что другие судебные органы, которые являются независимыми, тоже принимают решения, которые должны учитываться в международной судебной практике. Я бы сказал, что общая тенденция в современной практике международных судебных органов — это относиться с уважением к решениям друг друга. Однако это не исключает того, что в определённых случаях судебные органы могут принимать решения, которые будут не совсем соответствовать тому, что сказано в решениях других органов, судов или арбитражных трибуналов. Ведь судебное решение — это то мнение, к которому пришли судьи, которые образуют состав данного судебного органа. И совсем необязательно, что в другом судебном органе другие судьи придут на сто процентов к такому же решению. Поэтому да, в целом ряде случаев суды не совсем следуют решениям других международных судебных органов. Это, как правило, бывает в тех случаях, когда ещё нет устоявшейся международной судебной практики, но в этом случае судебный орган должен обосновать, почему он считает необходимым принять такое решение. Так что потенциально есть вероятность того, что будут расхождения, однако общая тенденция заключается в том, чтобы юриспруденция была последовательной, потому что государства не хотели бы, чтобы разные судебные органы выносили полностью противоречивые решения. Однако международные судебные органы часто расходятся в подходах к решению определённой категории споров. Например, в вопросе разграничения морских пространств Между-

народный Суд придерживается точки зрения, что в большинстве случаев надо первоначально устанавливать предварительную равноотстоящую линию, а потом её корректировать в зависимости от характера побережья. Однако обязательность такого подхода совсем не вытекает из Конвенции ООН по морскому праву. Конвенция говорит о том, что разграничение должно осуществляться справедливым образом, и не предписывает какие-то конкретные методы. Поскольку есть другие методы, в определённых случаях бывают расхождения. То есть другие суды не всегда считают, что обязательно первоначально надо проводить равноотстоящую линию. Но результат должен быть таким, чтобы, как это и предусмотрено в Конвенции, было достигнуто справедливое решение спора.

— Каково Ваше мнение относительно эффективности системы урегулирования споров, предусмотренной Конвенцией ООН по морскому праву? Можно ли сейчас говорить о том, что она оправдала ожидания, которые на неё 30 лет назад возлагали авторы Конвенции? Если их ожидания оправдались не полностью, что, по Вашему мнению, следует изменить?

— Специфика Конвенции по морскому праву заключается в том, что за редкими исключениями, которые государства могут сделать, споры, касающиеся толкования и применения Конвенции, подлежат обязательным процедурам разрешения споров⁴. Эта Конвенция явилась фактически первым международным документом, в котором Советский Союз согласился на обязательное разрешение споров. Вызвано это было тем, что, государства, активно осуществляющие дея-

³ См.: Международный Суд ООН. *Дело о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Монтенегро)*. Постановление от 26 февраля 2007 года. (В нём Международный Суд многократно сослался на практику Международного трибунала по бывшей Югославии, см. § 188 и далее). *Дело Амаду Садио Дьялло (Республика Гвинея против Демократической Республики Конго)*. Постановление от 30 ноября 2010 года. (В нём Международный Суд сослался на практику и замечания общего порядка Комитета по правам человека, на практику Африканской комиссии по правам человека и народов, а также на практику Европейского и Межамериканского Судов по правам человека, Комитета по правам человека, а также Международного трибунала по морскому праву, см. § 24, 33, 40, 49 и 56). *Дело о территориальном и морском споре (Никарагуа против Колумбии)*. Постановление от 19 ноября 2012 года. (В нём Суд процитировал выводы Международного трибунала по морскому праву в деле *Бангладеш/Мьянма* (см. ниже примечание 5), см. § 178 и 241 Постановления).

⁴ Статья 287 Конвенции предоставляет государствам право выбрать одну или несколько из следующих обязательных процедур урегулирования споров: 1) Международный трибунал по морскому праву, учреждённый в соответствии с Приложением VI к Конвенции; 2) Международный Суд; 3) арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VII; 4) специальный арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VIII.

тельность на морях и океанах, были заинтересованы в том, чтобы их интересы должным образом защищались. Поэтому Советский Союз, как великая морская держава, конечно, был заинтересован в том, чтобы его интересы соблюдались. Как это обеспечить? Значит, должен быть механизм, который, в случае возникновения споров, гарантировал бы их разрешение. Поэтому Конвенция в этом плане — уникальный документ, она предписывает обязательные процедуры разрешения споров по толкованию и применению Конвенции. Она даёт возможность государствам выбрать между четырьмя процедурами. И, с моей точки зрения, Конвенция в этом плане стабилизировала положение, то есть она исключила конфронтацию. Достигла ли она полностью в этом плане своего результата? Наверное, нет. Потому что государства всё-таки не всегда ещё используют механизм Конвенции для разрешения споров. Вот, например, если говорить о международном торговом праве, одной из основ механизма Всемирной торговой организации является очень жёсткая процедура урегулирования споров. Мы сейчас стали членом Всемирной торговой организации, и первое, к чему нам придётся привыкать, — это что мы будем постоянно вовлечены в судебные разбирательства, иски против нас и иски, которые будут выдвигаться нами. Чёткая процедура урегулирования споров является одной из основ, которые гарантируют успешную деятельность Всемирной торговой организации. К сожалению, пока в международном морском праве механизм обязательного разрешения споров ещё не используется так же эффективно, как во Всемирной торговой организации.

— Конвенция ООН по морскому праву ратифицирована подавляющим большинством государств, но несколько крупных государств пока её не ратифицировали. Влияет ли это на способность Конвенции регулировать глобальные вопросы, такие как освоение морского дна или определение внешней границы континентального шельфа за пределами двухсот морских миль?

— Из больших государств не участвуют в Конвенции Соединённые Штаты, ну и в какой-то степени можно отнести сюда Венесуэ-

лу и Турцию. Однако даже эти государства признают, что практически все положения Конвенции по морскому праву являются отражением норм обычного международного права. В заявлении Рейгана о том, что Соединённые Штаты отказались стать участником Конвенции, указывалось, что за исключением части, касающейся международного Района морского дна, все остальные положения — это обычное право, которое Соединённые Штаты будут соблюдать. Впоследствии Часть XI Конвенции была фактически пересмотрена путём принятия соглашения о её применении. Однако в Соединённых Штатах до сих пор сохраняются возражения против ряда положений Конвенции. Соединённые Штаты, как великая держава, выполняют почти все положения Конвенции. У них есть две проблемы с Конвенцией. Первая — в Конвенции за разработку континентального шельфа за пределами двухсот морских миль государства будут обязаны делать отчисления Международному органу по морскому дну. Соединённые Штаты оспаривают это положение, потому что не понимают, почему они должны с континентального шельфа, на который они имеют суверенные права, международному органу что-то отчислять. И вторая — это то, что они боятся, что обязательные процедуры урегулирования споров излишне ограничат их суверенитет. Вместе с тем США соблюдают все остальные положения Конвенции. Даже в том, что касается вопроса определения внешней границы континентального шельфа, во всех заявлениях, которые Соединённые Штаты делают, сказано, что они будут следовать положениям статьи 76 Конвенции о том, как должна определяться внешняя граница. Однако есть, конечно, проблемы, потому что они будут определять сами, где у них внешние границы континентального шельфа, и не будут обязаны представить этот вопрос на рассмотрение Комиссии по континентальному шельфу, которая может сказать, обоснованна их позиция или нет. Для нас это создаёт проблемы в Арктике, потому что, с одной стороны, Соединённые Штаты оспаривают то, как мы пытаемся установить внешнюю границу континентального шельфа, с другой стороны, не связанные положениями Конвенции, они вроде как бы в одностороннем порядке будут это решать. То есть это создаёт проблемы. И, конечно, тот факт, что

Соединенные Штаты остаются за пределами Конвенции, — это негативный момент, который в какой-то степени, естественно, осложняет выполнение ряда положений Конвенции.

— **Говоря о Международном трибунале по морскому праву, считаете ли Вы, что этот относительно молодой институт уже нашел своё место на «карте» международного правосудия?**

— Когда я работал в Нью-Йорке в юридическом департаменте Секретариата ООН, я двенадцать лет был сотрудником, ответственным за связи с Международным Судом. Международный Суд переживал очень тяжёлые времена, у него не было дел, была критика в его адрес. И в общем-то одной из причин, по которым создавался Трибунал по морскому праву, было недовольство ряда государств, особенно развивающихся, Международным Судом в целом. Я думаю, что за последние несколько лет Международный трибунал по морскому праву окончательно утвердился как важный судебный орган, через который должны решаться международные споры. Я являюсь судьёй четыре с небольшим года, и как раз на этот период выпала основная активность, которая в последнее время происходит в рамках Трибунала по очень существенным вопросам. Поэтому, мне кажется, что это — начало общей тенденции. Я думаю, что Трибунал в настоящее время уже утвердился как международный судебный орган, который востребован и который государства хотели бы использовать для разрешения своих споров.

— **Между Международным трибуналом по морскому праву и Международным Судом зачастую проводится параллель, в частности, в силу того, что оба эти института рассматривают межгосударственные споры, связанные с морским правом. Как известно, качество постановлений Международного Суда во многом обусловлено вовлечённостью в процесс принятия решений всех членов Суда, в частности, отсутствием судьи-докладчика и подготовкой каждым из судей своей ноты по делу до начала написания проекта решения. Как организован**

процесс принятия решений Трибуналом по морскому праву? Последовал ли он в этом отношении примеру Международного Суда или установил какой-то иной порядок?

— Трудно говорить о другом дружественном судебном институте. Хотя у нас есть много общего с Международным Судом, конечно у нас есть своя специфика. Во-первых, в Трибунале по морскому праву нас двадцать один судья, и у нас гораздо более широко представлены правовые системы. Поэтому, конечно, это налагает определённую специфику. С моей точки зрения, это — положительный момент, поскольку позволяет обсуждать вопросы, которые выносятся на рассмотрение, с различных точек зрения. И, конечно, согласовать позицию двадцати одного судьи сложнее, чем пятнадцати судей. Международный Суд более формальный. У нас Трибунал более активный и у нас гораздо больше взаимодействия между судьями. Да, мы тоже пишем свои собственные представления, когда выносим решения, тоже пишем комментарии. Но, понимаете, правильно это или нет — неоднозначный вопрос. Потому что если вы, предположим, как судья, представляете в письменном виде ваше мнение, то вам очень трудно, как правило, потом, в ходе дискуссии, нивелировать свою точку зрения или отойти от неё, поскольку вы вроде как её уже в письменном виде зафиксировали. Поэтому, да, это желательно, но обязательно. Если по некоторым вопросам у вас очень твёрдая позиция, вы твёрдо уверены, то да, вы можете её изложить в письменном виде, аргументировать её. Но если вы пока ещё полностью не определились, наверное, такую позицию фиксировать в письменном виде не обязательно и даже нежелательно. Поэтому я признаю, что у нас есть общие моменты с Международным Судом, но есть и своя специфика, которая вызвана и составом суда, и сложившейся практикой — тем, как Трибунал работал в прошедшие годы.

— **В свете недавнего постановления Трибунала в деле о делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой⁵ и**

⁵ Международный трибунал по морскому праву. Дело № 16. Спор относительно делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой в Бенгальском заливе (Бангладеш/Мьянма). Постановление от 14 марта 2012 года.

постановления Международного Суда в деле о морской делимитации в Чёрном море⁶, можно ли говорить о том, что оба суда имеют сходные подходы к правовым методам морской делимитации?

— Что касается того, что называется по-английски *jurisprudence* — то, как работает суд, — в какой-то степени, методологию мы используем ту же самую. Что касается анализа ситуации, то, конечно, как Международный Суд, так и мы не пытаемся изобрести велосипед. Мы анализируем судебные решения, которые были до нас, и стараемся, насколько это возможно, базироваться на том, как определённые вопросы рассматривались до нас. Это очень важно для того, чтобы государства ощущали, что в судебных процедурах есть определённая последовательность. Тем не менее, в ряде вопросов, как я уже сказал, у нас бывают различные подходы. Если вы посмотрите на дело *Бангладеш/Мьянма*, то увидите, что мы не совсем следовали методологии Международного Суда, хотя мы на неё и ссылаемся. Более того, в том, что касается разграничения континентального шельфа за пределами двухсот морских миль, мы пошли на такое разграничение, в то время, как Международный Суд до нас ни разу не осмеливался пойти на такое решение. Но мы посчитали, что в силу тех географических обстоятельств, которые существуют в данном районе, мы как судебный орган можем пойти на разграничение морских пространств за пределами двухсот морских миль.

— В исходе некоторых дел, рассматриваемых Трибуналом по морскому праву, напрямую заинтересованы конкретные частные лица (например, в делах о незамедлительном освобождении судна). Как Вы считаете, влияет ли это на представление и ведение таких дел? Следует ли, на Ваш взгляд, предоставить частным лицам более широкий прямой доступ к процедурам разрешения международных споров?

— В делах об освобождении судов спор рассматривается как представленный государством. Государство может разрешить пред-

ставительство его интересов каким-то частным лицам, но всё равно это вопрос, который вынесен государством. Если Япония представила два дела против России об освобождении судов — я тогда был адвокатом, выступавшим от имени России, — это была Япония, хотя там и были два частных лица. Такого рода споры — это всё-таки споры между государствами, для разрешения которых судебный орган исходит из международного права. Поэтому я не думаю, что частные лица должны получать доступ, минуя государства. На это государства пока не согласны, и это Конвенцией не предусмотрено. Однако в том, что касается международного Района морского дна за пределами действия национальной юрисдикции, там юридические лица могут представлять споры непосредственно в Трибунал. В этом случае государства на это согласились, поэтому я думаю, что то, как это записано в Конвенции сейчас, — это то, на что государства могут пойти.

— Судьи международных судов и трибуналов зачастую имеют различное видение роли особых и совпадающих мнений. Некоторые судьи полагают, что мнения могут представлять альтернативные подходы и развивать международное право. Другие считают, что к ним следует прибегать только в случаях, когда судья принципиально не согласен с большинством. Каково Ваше мнение по этому вопросу?

— Как вы знаете, если судья голосует против, то он представляет особое мнение, то есть он может или должен объяснить, почему он голосовал против. Это совершенно правильно. Но, кроме этого, судьи ещё могут представлять декларации или отдельные мнения. Это часто вызвано тем, что, хотя судья и голосует за решение, то есть в принципе он согласен с ним, но он не совсем согласен с отдельными аспектами мотивировки этого решения. Поэтому такой судья хочет, чтобы его понимание было отражено, и имеет право на представление отдельного мнения. Но, если откровенно говорить, судьи есть с разными «бэкграундами». Есть судьи, которые пришли из академических кругов, есть судьи, ко-

⁶ Международный Суд. *Морская делимитация в Чёрном море (Румыния против Украины)*. Постановление от 3 февраля 2009 года.

торые в прошлом были судьями в своих странах или, наоборот, большую часть своей предшествующей карьеры находились на государственной службе. И, конечно, у ряда судей есть тенденция не только зафиксировать своё мнение, но и дать широкую трактовку рассматриваемого вопроса. Лично я не вижу в этом ничего плохого, если это не выходит за рамки того, что, представляя своё отдельное мнение, судья фактически ставит под вопрос само решение суда.

— Это случайность или нет, что до настоящего времени судьи Трибунала не так часто прибегали к особым мнениям?

— Это всё зависит от характера разногласий, насколько они серьёзны. Если это серьёзные разногласия, то это особое мнение. Очевидно, что тот факт, что у нас пока не было слишком много особых мнений, говорит о том, что решения отражали точку зрения всех судей. Но я думаю, что, чем сложнее будут дела, рассматриваемые Трибуналом, тем чаще судьи будут представлять особые мнения.

— В настоящее время список дел, рассмотренных Трибуналом по морскому праву или находящихся на рассмотрении, не велик. Влияет ли этот факт на качество его судебной деятельности, в частности, на сроки рассмотрения дел? Принимает ли Трибунал меры по «привлечению» большего количества дел?

— Как я уже сказал, за последние четыре года у нас резко возросло количество дел. То, что мы не находимся постоянно в Гамбурге, а должны рассматривать дела тогда, когда нас сюда вызывают, это, конечно, значительно осложняет работу судей. Если ты постоянно находишься в Гамбурге и занимаешься этими вопросами, конечно, у тебя больше возможностей, а когда ты приезжаешь и уезжаешь, то это осложняет работу Трибунала. Вот, например, спор между Бангладеш и Мьянмой по международным меркам мы рассмотрели в очень короткий срок — за два года. Но я прямо могу сказать, что это была работа наизнос, то есть мы работали, находясь здесь до двенадцати часов ночи, по субботам и воскресеньям, и это не был нормальный рабочий

ритм. Почему? Потому что мы приезжали на три-четыре недели, должны были за этот срок рассмотреть целый ряд вопросов, которые Международный Суд, постоянно находящийся в Гааге, может рассматривать в течение гораздо большего периода времени. Поэтому, конечно, этот график, особенно с возрастаньем количества дел, существенно осложняет нашу работу.

— То есть такие короткие сроки рассмотрения дел обусловлены тем, что Трибунал работает по сессиям, а не тем, что он стремится быть более «привлекательным» для государств в смысле сроков производства?

— Нет. Это вызвано, скажем, частично и финансовыми соображениями, потому что бюджет Международного Суда позволяет его судьям находиться в Гааге постоянно, а у нас бюджет ограниченный, и поэтому у нас даже часто денег нет на то, чтобы мы находились в Гамбурге. Поэтому, когда мы планируем работу по делам, находящимся на рассмотрении Трибунала, то мы смотрим, сколько денег осталось, и определяем количество заседаний в зависимости от имеющихся финансовых средств. Это ненормальная ситуация, но так заложено в Конвенции. Поэтому это не стремление Трибунала кого-то впечатлить. Конечно, мы довольны, что смогли за два года рассмотреть и вынести решение по очень сложному спору, но предпочли бы это делать в более нормальных рабочих условиях. Занимается ли Трибунал, так сказать, своей популяризацией? Трибунал не занимается популяризацией, но мы проводим целую серию рабочих встреч и семинаров в различных районах мира, чтобы ознакомить государства с тем, как работает Трибунал, какие он вопросы рассматривает. Такую работу мы проводим.

— А возможен ли переход к работе Трибунала в постоянном режиме, как это в своё время было сделано в отношении Международного Суда?

— Ну, если у нас будет расти количество дел. Уже сейчас мы находимся в сложной ситуации. Например, мне Секретарь Трибунала сказал, что, поскольку я очень активно задействован в работе разных органов Трибу-

нала, то я уже подошел к лимиту тех финансовых средств, которые заложены в бюджете. Я его спрашиваю, это как надо понимать, что я буду продолжать работать, а оплачиваться не буду? Он говорит, что да. Вот такая ситуация. То есть это, конечно, ненормальное положение и оно должно быть как-то урегулировано. Тем более что к нам всё новые серьезные дела поступают. Например, дело о задержании аргентинского военного корабля в Гане⁷. Наверное, когда-то такая финансовая ситуация должна быть определённым образом урегулирована.

— Признаёте ли Вы, что Конвенция ООН по морскому праву не полностью имплементирована национальными правовыми системами? Если да, участвует ли Трибунал в попытках обеспечить её лучшую имплементацию? Говоря о России, какие меры могут быть приняты для того, чтобы Конвенция более эффективно применялась на национальном уровне, например, в делах о незамедлительном освобождении судна и экипажа?

— Я думаю, что Конвенция в целом достаточно правильно и скрупулёзно применяется государствами. Хотя, как и с любым другим таким сложным правовым документом, есть иногда у государств различное понимание того, как положения Конвенции должны применяться. Если такие разногласия попадают на рассмотрение Трибунала, то, конечно, мы стараемся дать то толкование Конвенции, которое соответствует её положениям. Мы не занимаемся какой-то специальной деятельностью по выяснению того, как государства в своём национальном законодательстве толкуют Конвенцию. Это не наша функция. Через конкретные дела — да. Что касается нашего государства, то оно скрупулёзно действует в рамках Конвенции, выполняет его положения.

— Считаете ли Вы, что постановления и консультативные заключения Трибунала следует систематически переводить на русский язык для русскоговорящей професси-

ональной аудитории, в частности, судей и правоприменителей?

— Учитывая, что у нас не все говорят по-английски или по-французски, то, наверное, имело бы смысл переводить решения. Почему важно переводить решения? Потому что мы сталкиваемся с тем, что местные судьи не знакомы с международной практикой, и поэтому те ошибки, которые они допускают, обусловлены не тем, что они умышленно это делают, а просто из-за незнания. И у нас, в российской практике, особенно в делах, которые рассматривались в Трибунале, сталкиваешься с тем, что местный судья в общем не знаком со всеми требованиями, и поэтому он часто действует, просто полагаясь не на те источники, которые надо. Поэтому, с моей точки зрения, это было бы полезно.

— В составе Трибунала только одна женщина. Каково Ваше мнение по этому гендерному дисбалансу? Как Вы думаете, изменится ли эта ситуация в будущем?

— Я надеюсь, что эта ситуация будет меняться. Международный Суд долгое время тоже подвергался критике за это. Мы все очень довольны, что имеем своего коллегу женщину-судью из Аргентины. И я думаю, что эта ситуация будет меняться, но это не наша проблема, это проблема выбора государств. То есть если есть достойные кандидаты, которые получают поддержку, то их и выбирают. Это всё в руках государств-членов. Что касается нас, то мы бы только приветствовали, если бы у нас было больше женщин-судей.

— Как Вы думаете, стоит ли вводить те или иные формы квот для женщин, как это делает Международный уголовный суд?

— В принципе я считаю, что все квоты, любые квоты — это такой спорный вопрос. Конвенция не предусматривает никаких положений о квотах. С моей точки зрения квоты — это как-то даже оскорбительно было бы для женщин, поскольку вроде как ставит-

⁷ Международный трибунал по морскому праву. Дело № 20. *Дело «АРА Либертад» (Аргентина против Ганы)*. Дело находится на рассмотрении Трибунала. В субботу 15 декабря 2012 года Трибунал вынес по нему решение о применении временных мер в соответствии с § 5 статьи 290 Конвенции.

ся под сомнение их квалификация. Есть очень много квалифицированных женщин-юристов, почему надо обязательно устанавливать для них квоты? Например, Розалин Хиггинс была Председателем Международного Суда, очень сильный юрист. Неужели её надо избирать только потому, что квота? Это, наверное, для неё было бы неприятно, что она стала членом Международного Суда только потому, что попала в эту квоту⁸. Поэтому в нашем случае я думаю, что есть очень много женщин-юристов, квалифицированных в области морского права, и они будут всё больше и больше избираться в Трибунал.

— Нравится ли Вам работать в международной среде Трибунала? Проводят ли члены Трибунала и сотрудники его Секретариата время вместе за его пределами или видятся только на работе?

— Судьи у нас очень дружные. И в рамках Трибунала, и за его пределами мы очень активно общаемся. У нас очень хорошие отношения. С сотрудниками Секретариата у нас такого общения нет, но это не значит, что мы совсем не общаемся. Мы, судьи, конечно, больше общаемся в своём кругу.

— До того как стать членом Трибунала, Вы сделали долгую и выдающуюся карьеру в Секретариате ООН. Чувствуете ли Вы большую разницу в рабочей атмосфере в Гамбурге и Нью-Йорке? Если да, какая Вам кажется более творческой и продуктивной?

— У меня было несколько стадий в моей карьере. Я начинал как преподаватель международного права, потом я работал в правовом департаменте Министерства иностранных дел СССР, затем двадцать пять лет я работал в юридическом департаменте Секре-

тариата ООН. Каждая из этих стадий разная по характеру работы. Когда я пришел из Министерства иностранных дел в Секретариат ООН, то первое время я испытывал недовольство, потому что, когда ты — представитель государства, тебя слушают, ты выступаешь. Когда ты попадаешь в Секретариат ООН, то, в общем, никто твоим мнением особенно не интересуется, ты должен обслуживать государства. Потом, через некоторое время, ты выясняешь, что ты можешь очень эффективно на многие вещи влиять даже в этой ситуации. Поэтому работа в юридическом департаменте Секретариата — я работал в офисе юрисконсульта ООН, это основной орган в юридическом департаменте, — очень интересная, но коренным образом отличается от того, что я делаю как судья. К сожалению, последние несколько лет, когда я был уже директором отдела по морскому праву, то есть у меня было в подчинении большое количество людей, моя работа была административная, то есть я должен был создавать условия для своих сотрудников, чтобы они нормально работали, а это для юриста, такого как я, не совсем та область, которой я хотел бы заниматься. Я понимал, что это надо делать, но не испытывал особенно большого удовлетворения от этого. Как судья я занимаюсь чисто юридической работой — тем, что соответствует моей квалификации. Я считаю, что я сейчас там, где я должен быть. Но я не могу сказать, что моя работа в юридическом департаменте Секретариата ООН была неинтересной. Мне пришлось заниматься очень интересными, важными делами, такими как Локерби, «Нефть в обмен на продовольствие», вопросами привилегий и иммунитетов. То есть я был вовлечен в очень важные вопросы, но это совершенно другая область.

— Большое спасибо.

⁸ Интервью с Розалин Хиггинс см. в журнале «Международное правосудие» (2012. № 2(3). С. 104–112).